

**Иркутский юридический институт (филиал)
Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации**

В. Н. Шиханов

**Организованная преступность:
криминологическая характеристика
и вопросы противодействия**

Фондовая лекция

Иркутск, 2015

УДК 343.9.02

Ш 65

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Протокол № 9 от 7 декабря 2015 года.

Рецензенты:

*Пархоменко С. В. – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Иркутского юридического института (филиала) Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,*

*Никонов П. В. – доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского
юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.*

Ш 62 **Шиханов, В. Н.** Организованная преступность: криминологическая характеристика и вопросы противодействия : фондовая лекция / В. Н. Шиханов. – Иркутск Иркутский юридический институт (филиал) Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. – 43 с.

В лекции рассматривается понятие организованной преступности как социального явления, её признаки с позиции структурно-функционального подхода, с учётом достижений современной юридической науки и международного права. Кроме того, описаны закономерности возникновения и развития организованной преступности, существующие стратегии её предупреждения с их сильными и слабыми сторонами.

Предназначено для студентов, обучающихся по специальностям 030900.62 «Юриспруденция» (Бакалавриат), 030900.68 «Юриспруденция».

УДК 343.9.02

© Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, 2015
© Шиханов В. Н., 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. Понятие и признаки организованной преступности.....	5
2. Закономерности возникновения и развития организованной преступности	18
3. Вопросы противодействия организованной преступности	25
Заключение	40
Список литературы	42

Введение

Организованная преступность по праву считается уникальным феноменом. Её существование сложно отрицать. Большинство современных стран видят в ней угрозу национальной безопасности, а Организация объединённых наций приняла отдельную Конвенцию о противодействии транснациональной организованной преступности (т. н. Палермская конвенция 2001 года).

Исследованием этого явления занимаются социологи, политологи, юристы различных отраслей (криминалисты, криминологи, представители науки уголовного права, уголовного-процесса, уголовно-исполнительного права, оперативно-розыскной деятельности), ему уделяют отдельное внимание в художественной и научно-популярной литературе, в кинематографе.

Вместе с тем, ясности в этом вопросе от такого внимания больше не становится. Напротив, организованная преступность окутана мифами, зачастую мешающими её исследованию, противодействию её деятельности и выработке адекватной уголовной политики.

По этой причине в рамках настоящей лекции представляется необходимым, во-первых, определиться с понятием организованной преступности, чтобы отграничить это явление от других, схожих, но обладающих собственными закономерностями возникновения и развития. Во-вторых, важно разобрать особенности механизма детерминации организованной преступности, и, в-третьих, рассмотреть основные представления о методах противодействия организованной преступности, в том числе на основе отечественного и зарубежного опыта.

1. Понятие и признаки организованной преступности

Тема организованной преступности практически не теряла своей актуальности с конца 1990-х годов до настоящего времени. С одной стороны, государственная власть формировала то или иное отношение к этому феномену и способам борьбы с ним, а с другой стороны, организованную преступность обсуждали общественные деятели, учёные, СМИ, обыватели.

В итоге содержание понятия «организованная преступность» кажется очевидным и ясным, однако при ближайшем рассмотрении мы обнаружим множество различных его трактовок, прежде всего – по объёму и представлениям о детерминации. Так, к организованной преступности не без оснований относят:

- банды;
 - сепаратистские незаконные вооружённые формирования, террористические организации;
 - экстремистские сообщества, в том числе неонацистского толка, призывающие к насилию в отношении людей других национальностей;
 - организованные группы квартирных и автомобильных воров;
 - преступные сообщества, занимающиеся систематическим вымогательством;
 - организованные группы, занятые ввозом на территорию России либо производством, а также сбытом наркотических средств и психотропных веществ, нелегальной реализацией контрафактной алкогольной продукции, лекарственных средств, биологически активных добавок;
 - рейдеров (захватывающих коммерческие организации);
 - организованные группы чиновников, совершающих коррупционные преступления либо хищения бюджетных средств;
- и т. д.

Однако с позиции строгого научного подхода между перечисленными и другими подобными явлениями мало общего, кроме определённых форм соучастия¹ и совершения деяний, которые действующим законодательством признаны преступлениями. Пользуясь этими критериями, к организованной преступности в юридической науке относят и политическую преступность. Достаточно вспомнить известные решения относительно тоталитарных режимов, потерпевших поражение – их деятельность рассматривают как организованную преступность государственных служащих либо управленческих структур (государственного аппарата), направленную против своего населения либо против других наций. Фашистская партия Муссолини, НСДАП,

¹ Как правило, в форме организованной группы, а также преступного сообщества (преступной организации).

хунты и даже КПСС (ВКП (б)), меньшевики (Эсеры) с таких позиций обла- дают всеми признаками преступных организаций или сообществ².

Такое механическое объединение наблюдаемых явлений по внешним признакам может выглядеть правильным с точки зрения учения о соучастии в уголовном праве, однако на самом деле мы получаем совокупность явлений, разных по своей природе (сущности). Соответственно, дальше вопросов пра- вовой оценки соучастия и некоторых его фактических особенностей мы не продвинемся.

Границы явления, которое мы охватываем при этом подходе, также оказываются чересчур широкими, отчего предпринимаемые усилия по иссле- дованию или противодействию будут расплываться³, уголовная политика окажется малоэффективной и может повлечь ряд других негативных побоч- ных последствий.

Следовательно, для уяснения сущности организованной преступности как социального явления, а также для противодействия ей необходимо раз- личать:

- организованность как свойство человеческой деятельности коллек- тивно, во взаимодействии выполнять работу;
- организованную преступную деятельность (любую деятельность, содержащую признаки одного или нескольких преступлений, при условии сложных форм соучастия);
- правовые категории форм соучастия, имеющие сугубо уголовно- правовое значение;
- собственно, криминологическую и уголовно-политическую катего- рию «организованная преступность».

Специфика понимания организованной преступности, состоявшегося в науке, а во многом и в общественном сознании, хорошо просматривается в сравнении её с понятием «преступность». Последнюю понимают как опреде- лённое состояние общества либо как совокупность совершённых преступле- ний (на определённой территории за определённое время), а в криминологии ещё и в совокупности с теми, кто их совершил. Но как только говорят об ор- ганизованной преступности, то в первую очередь подразумеваются люди с определёнными формами их устойчивой кооперации, и лишь затем – совер- шённые ими преступления.

Поэтому для уяснения феномена организованной преступности сначала необходимо определить основные её признаки как социального явления, за- тем рассмотреть особенности механизма её детерминации, развития и лишь затем, опираясь на полученные выводы, можно охарактеризовать основные

² Шестаков Д. А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминоген- ные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяю- щемся мире : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. С. 376– 380 ; Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. С. 272.

³ Так называемая отклоняющаяся неэффективная аллокация.

направления противодействия, известные правовой науке и уголовно-политической практике.

Научные исследования и результаты оперативно-розыскной деятельности позволяют утверждать (вопреки существовавшему ранее убеждению), что нет какой-либо единой организации, которая руководила бы всеми преступниками, даже если ограничиться рамками отдельного государства. Более того, многие преступники не имеют отношения к организованной преступности, в том числе и при совершении преступлений в соучастии.

В действительности организованная преступность представлена набором социальных структур, неодинаковых по составу и размерам. Они обладают устойчивостью и хорошей адаптивностью к внешним условиям существования, проходят периоды становления, развития, распада, в своей деятельности целесообразны. Кроме того, они обладают схожими закономерностями детерминации и развития, схожими функциями, несмотря на национальные различия и исторические особенности своего существования.

Как справедливо отмечает Ю. А. Цветков, «имеет смысл говорить о наличии значительного числа преступных объединений, отличающихся по уровню организованности, масштабу и характеру преступной деятельности. Между ними (частью из них) устанавливается постоянное или временное взаимодействие. Подобное взаимодействие может выражаться как в форме сотрудничества, так и в форме конфронтации. В целом же организованная преступность – это явление социальное, и его причины коренятся в дисфункциях социального организма, а сама деятельность тесно переплетена с жизнью общества и подчиняется основным законам его развития»⁴.

Эти характеристики организованной преступности, многократно отмеченные в специальной литературе, позволяют предположить, что организованная преступность является *социальным институтом*. Под социальным институтом понимают относительно устойчивые и долговременные формы социальной практики, которые санкционируются и поддерживаются с помощью социальных норм и посредством которых организуется общественная жизнь: устанавливается система социальных ролей и статусов для удовлетворения основных жизненных и социальных потребностей⁵.

Вместе с тем, утверждение о том, что организованная преступность является социальным институтом, оказывается слишком общим. Даже если принять его за истинное, мы вынуждены констатировать, что к социальным институтам в обществе можно отнести очень многие явления, в том числе и криминального характера, например, радикальную политическую оппозицию, сепаратистские течения и проч. Вместе с тем, отличить одни социальные институты от других возможно, если обратиться к анализу их структуры и

⁴ Цветков Ю. А. Очерк 8. Соучастие и организованная преступность // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. М. : Юрайт, 2010. С. 285–286.

⁵ Институт социальный [Электронный ресурс] // Slovarik.info. URL: <http://www.slovarik.info/sociology/121/56121.html> (дата обращения: 27.09.2015).

функций. В нашем случае это необходимо для того, чтобы выделить организованную преступность среди прочих социальных институтов, в том числе «теневых».

С позиции структуры, как мы уже отметили, социальный институт «организованная преступность» представлен группами, достаточно организованными, однако необязательно имеющими устойчивые связи друг с другом, но при этом интегрированными в общество.

У любого социального института имеются собственные, специфические функции. Конечно, с позиции социального общего, а также с точки зрения действующего законодательства они могут получать различную оценку, в нашем случае – негативную. Иными словами, социальный институт вовсе необязательно функционирует в соответствии с законодательством, поскольку и сами общественные отношения в большинстве случаев первичны по отношению к позитивному праву⁶. В таком случае преступность, в том числе и организованная, рассматривается либо как одна из функций общества, либо как его атрибутивный признак, выводящий нас в любом случае на особенности функционирования основных общественных институтов. Например, Т. Парсонс полагал, что преступность как явление есть признак дисфункции общества. Э. Дюркгейм, используя категорию аномии (безнормативности) и рассматривая общество в развитии, убедительно показал, что преступность в любом обществе неизбежна и в умеренных масштабах обладает даже позитивными свойствами для общества, позволяя ему развиваться, обращать внимание на возникающие рассогласования.

Несомненно, имеются и весьма резкие утверждения о том, что преступность, в том числе и организованная, противопоставлена обществу или чужда ему. Следовательно, её нельзя именовать социальным институтом, или говорить о каких бы то ни было функциях. Подобной концепции целиком придерживалась социалистическая юридическая наука и философия, рассматривая преступность и все формы её проявления в нашем обществе как наследие эксплуататорских общественно экономических формаций (пережитки буржуазного прошлого). Похожие точки зрения можно обнаружить и в настоящее время в некоторых научных трудах и учебной литературе.

Не вдаваясь в подробности существующих научных дискуссий, отметим, что преследуя цели изучения преступности и различных её форм, стремясь выработать наиболее эффективные меры противодействия (или борьбы – пользуясь терминологией других научных концепций) нельзя политизировать научное знание и табуировать дискурс, поскольку тем самым блокируются возможности познания общественных явлений. Конечно, достаточно популярными являются высказывания о том, что панацеей от всех проявлений преступности является жесткая рука и политическая воля. Нельзя, однако, забывать, что в многовековой мировой практике принятие самых жёстких репрессивных мер воздействия не позволило одолеть преступность, и в

⁶ Правовое регулирование позволяет урегулировать существующие общественные отношения, а в некоторых случаях создавать новые.

первую очередь это не сработало в отношении организованных её форм. Организованная преступность – гораздо более сложный феномен, чем может показаться на первый взгляд, и противодействие ему не терпит упрощенчества или политически ангажированных подходов.

Выяснение особенностей общественных процессов и социальных явлений предполагает использование методологии социальных наук, а также использование их основных достижений. Так, в социологии (Т. Парсонс, Р. К. Мертон, Э. Дюркгейм) и в исследованиях представителей социологических направлений криминологии наибольшее распространение получила точка зрения о том, что преступность является неизбежным явлением и выполняет в обществе определённые функции. Эти функции являются отражением потребностей общества либо борьбы между разными социальными группами. В принципе существование любого социального института невозможно, если в обществе нет соответствующих потребностей. И наоборот: удовлетворение общественных потребностей происходит посредством функционирования определённых социальных институтов, в том числе и теневого (нелегального).

Так, возникновение сепаратистских организаций, революционных и контрреволюционных течений являются результатом самоорганизации общества (или его части) для удовлетворения определённых политических, а в итоге ещё и экономических притязаний, когда эта цель не достигалась законными средствами.

Организованную преступность при таком понимании следует относить к так называемым «теневым» социальным институтам. Она может дублировать или полностью брать на себя функции официальных структур, если те оказались дисфункциональными (так называемая «институциональная субституция»). Вместе с тем организованная преступность не представляет собой политическую оппозицию действующим властям (за редкими исключениями) и не пытается перехватить именно политические функции, равно как и не стремится к установлению в обществе отношений всеобщей справедливости, равенства и проч. Эти особенности организованной преступности прослеживаются исторически и во всех странах, описаны во многих отечественных и зарубежных исследованиях.

По утверждениям отечественных и зарубежных криминологов все известные ранее и существующие сейчас преступные группы, представляющие собой организованную преступность, заняты преимущественно распространением товаров и оказанием услуг, оборот которых запрещён, а также внедрением в легальный бизнес⁷. Отсюда следует ведущая мотивация деятельности – корыстная, выраженная в стремлении к сверхприбыли, а также конспиративность ввиду того, что подобный бизнес является уголовно наказуемым.

⁷ Шнайдер Г. Й. Криминология : пер. с нем. / под общ. ред. и с предсл. Л. О. Иванова. М. : Издательская группа «Прогресс» ; Универс, 1994. С. 49 ; Гилинский Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. С. 268–269.

Среди потребностей, которые обусловили появление социального института «организованная преступность» и которые он удовлетворяет уже много лет во многих странах, следует назвать перераспределение материальных благ в обществе, управление и социализацию.

Удовлетворение этих потребностей обеспечивается за счёт семи функций организованной преступности (первые шесть из них расположены по убыванию доли внешненаправленной, составляющей в системе отношений «интересы общества» – «интересы персонала организации»):

1) предоставление товаров и оказание услуг, на которые имеется спрос, но в данном обществе они формально запрещены (психоактивные средства, проституция, услуги по совершению убийств и т. п.);

2) удовлетворение потребностей в товарах, которые не запрещены, если эти потребности не удовлетворены и не удовлетворяются легальными способами (дефицит). Способы удовлетворения таких потребностей, разумеется, нелегальные;

3) перераспределение материальных благ путём внедрения в легальный бизнес (навязывание услуг по охране, внедрение в органы управления коммерческих организаций и т. п., обычно подкрепляемые угрозами либо обмен на «связи», реже – подкупом или обманом);

4) принудительное перераспределение материальных благ путём поставления потерпевших в вынужденное положение: хищение автомобилей с последующим их возвращением владельцам за выкуп, похищение людей с их выкупом и т. п.;

5) трудоустройство и приобретение навыков определённых видов деятельности (как правило, криминальных);

6) социализация. Удовлетворяются потребности индивидов (включённых в персонал организаций, представляющих организованную преступность) в самореализации и развитии, повышении социального статуса, их потребность в принадлежности к социальной группе, в признании / одобрении деятельности (а такая деятельность с позиций социального общего в основном порицается);

7) консалтинг. В данном случае он имеет свою специфику: удовлетворяет объективные потребности в управлении и разрешении конфликтов в неформальной, нелегальной сфере. В основном это находит выражение в создании совещательных структур (наподобие бюрократических), принимающих решения о распределении сфер влияния или территории деятельности отдельных организованных групп, разрешающих конфликты между ними, выполняющих функции судебных органов. Такие услуги оказываются и населению, а также участникам легальных экономических отношений в случае обращения за ними при неудовлетворённости деятельностью государственных и муниципальных структур (из-за дисфункциональности последних). Примечательно, что подобные совещательные управляющие структуры нужно содержать, а потому консалтинговые услуги осуществляются на платной основе: по принципу *ad hoc* либо за счёт регулярных сборов (как налоги

у государства). Отсюда – различные общие финансовые накопления, фонды (так называемый «общак») с особенностями их формирования, хранения и использования. Собираемые средства, как и бюджет у государства, обычно используются для развития тех или иных функций организованной преступности либо для противодействия уголовному преследованию.

Следует обратить внимание, что все названные функции в итоге сводятся к получению прибыли, т. е. это преступный бизнес. Названные функциональные особенности и предпосылки формирования социального института «организованная преступность» позволяют вывести за рамки одноименного понятия террористические, сепаратистские и другие организации с политическими или сугубо насильственными целями.

Стоит, однако, заметить, что социальная практика не имеет строгих безусловных граней, а потому террористические и прочие организации могут иметь дополнительно экономическую функцию, равно как и организованная преступность прибегает к насилию (инструментальному) и может преследовать определённые политические цели, которые, однако, являются тактическими и будут способствовать успешному ведению нелегального бизнеса, легализации преступных доходов и конспирации.

Примером может являться ИГИЛ⁸ – организация, которая по основной своей функции считается террористической, однако для обеспечения своего финансирования занимается торговлей людьми, а также продажей похищенной нефти с месторождений, находящихся на территориях, захваченных вследствие организованного ей вооруженного мятежа.

Другой пример – практика приобретения легального правового статуса руководителями организованных преступных групп, приобретение ими предприятий легального бизнеса, благотворительная деятельность и даже удовлетворение личных политических амбиций через участие в выборах в представительные органы или проникновение в органы исполнительной власти.

Вместе с тем, исходя из элементов характеристики организованной преступности, полученной уже на этом этапе анализа, можно утверждать, что не относится к этому социальному явлению легальный бизнес, когда, пусть и в соучастии, совершаются экономические, экологические, служебные преступления, хищения, преступления против жизни или здоровья (вследствие конфликтов). Такую преступность принято именовать «беловоротничковой».

Не охватывается организованной преступностью и многое из общеуголовной преступной деятельности, осуществляемой в соучастии и, несомненно, представляющей большую общественную опасность: бандитизм, большинство групповых грабежей, разбоев, мошенничества, краж (за исключением структур управления такими группами и разрешения конфликтов между

⁸ Исламское государство Ирака и Леванта, более позднее самоназвание – Исламское государство (ИГ; араб.: ад-Дауля аль-Исламия), признанное в России террористической организацией (см.: Решение Верховного Суда Российской Федерации от 29.12.2014 № АКПИ14-1424С [Электронный ресурс] : вступило в силу 13.02.2015 г. // СПС «Гарант».

ними). В этих случаях нет признаков описанного нами социального института по осуществляемым функциям⁹.

Организованная преступность обладает и другими признаками, которые, однако, являются производными от основного (социальный институт со специфическими структурой и функциями). Вместе с тем, все производные признаки необходимо принимать во внимание для уяснения закономерностей развития организованной преступности и для отграничения её от других схожих явлений.

Итак, **первый производный признак** организованной преступности – *постоянство деятельности*. Социальная структура, представляющая рассматриваемый нами социальный институт, создана для совершения неопределённого количества преступлений, т. е. именно для деятельности с извлечением прибыли. Соответственно, ей характерны *постоянство форм и методов* деятельности, *сфера* деятельности *изменяется медленно*, за исключением возникшей угрозы для прибыли из-за бесперспективности, затратности прежнего занятия в новых условиях. *Функциональные характеристики* конкретных организованных преступных групп *инертны*, поскольку функция *определяет её структуру* и наоборот. Соответственно, возникшая потребность в изменении осуществляемых функций требует изменения структуры организации, на что требуется время.

Второй производный признак – *рациональность*. Вследствие нелегального статуса и конкуренции преступные группы, относящиеся к организованной преступности, имеют очевидную потребность в механизмах анализа, планирования, выполняющих соотношение затрат и получаемого экономического эффекта. Это не означает, что в составе организованной преступности все группы обладают развитой экономической и прочей аналитической деятельностью. Если провести параллели с социальным институтом семьи, мы вынуждены будем признать, что всегда находятся семьи, которые не обладают необходимыми свойствами для успешного и долговременного существования. Они впоследствии разрушаются, однако сам социальный институт при этом существует.

Точно так же некоторые преступные группы общеуголовной направленности могут эволюционировать и осваивать более сложные формы преступной деятельности, выполняя функции социального института «организованная преступность». Но в случае со слабой аналитической и управленческой деятельностью, промедлением в структурных изменениях созданная организация не сможет оперативно корректировать свои функциональные параметры под изменяющиеся внешние условия, переориентироваться, что в свою очередь будет приводить к потере прибыли и распаду созданной орга-

⁹ Следует заметить, что эти явления и соответствующие организованные группы не обладают рядом специфических признаков, характерных для организованной преступности и о которых речь пойдёт ниже. Вместе с тем, нельзя не обращать внимания на процессы развития, в результате которых отдельные преступные группы (например, банды) вырастают в организованные преступные группы со всеми необходимыми признаками как по структуре, так и по функциям.

низации, к разоблачению, к поглощению более успешными преступными группами или к поражению в борьбе с конкурентами.

Одновременно и структуры самих групп разнообразны. Если для северной и западной Европы характерны рыхлые аморфные или сетевые способы организации, то для США, Италии, Китая и ряда других стран – рационально формализованные социальные структуры с бюрократической надстройкой¹⁰.

Структурные изменения (всевозможные реструктуризации, оптимизации) в организованных преступных группах в подавляющем большинстве случаев происходят быстрее, чем в государственных и муниципальных структурах, и даже быстрее, чем во многих легальных коммерческих организациях. Соответственно, снижение экономического эффекта от прежней деятельности или высокая угроза разоблачения организации ведут с высокой вероятностью к изменению сферы деятельности либо методов. Следует заметить, что в силу той же рациональности организованные преступные группы стремятся прибегать к насилию лишь тогда, когда невозможно добиться поставленной цели другим способом. В противном случае высок риск привлечь к себе излишнее внимание общественности и правоохранительных органов либо вызвать серьёзные конфликты с другими преступными группами.

Третий производный признак организованной преступности – *конспиративность*. Здесь следует выделить несколько особенностей организованной преступности, которые позволяют структурам, представляющим этот социальный институт, продолжительное время успешно противодействовать попыткам пресечь их деятельность.

I. Особенности структурного строения. Рассматриваемые нами социальные структуры являются отчасти аморфными – чёткие их границы определить сложно, они не формализованы, особенно на нижних уровнях¹¹. Чёткими являются лишь стержневая структура с органами управления и средним уровнем. Таким образом, отдельные связи и люди могут не обозначаться в качестве участников организации (не быть таковыми или не иметь чёткого статуса), хотя регулярно сотрудничать с ней. Таковыми могут быть сотрудники органов государственной власти, адвокаты, лоббисты в представительных органах. Такой статус характерен для лиц, выполняющих либо вспомогательные функции, либо такие, в которых организация нуждается редко (например, убийства). В социальной практике такой «пограничный» статус в большинстве случаев различаем и обозначается категориями «связан с такими-то», «из-под таких-то». Другой характерный признак, позволяющий отличать связи от собственно участника организованной преступной группы, – полномочие выступать от имени группы.

Конспиративность, обеспечиваемая самим структурным построением, основывается также на функциональном делении, когда отдельный струк-

¹⁰ Шнайдер Г. Й. Указ. соч. С. 53 ; Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. М. : Юрайт, 2011. Т. II : Особенная часть. С. 636, 711–726.

¹¹ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 633, 635.

турный элемент имеет выход на координаторов и обладает минимальными представлениями о других структурных элементах, особенно – об управленческих структурах. Последняя в большинстве случаев представляет собой немногочисленный совещательный орган, а порядок принятия и исполнения решений напоминает демократический централизм. В результате разоблачение рядовых участников группы и даже среднего звена предоставляет минимальные возможности для изобличения управляющих.

II. Особенности выбора форм и методов деятельности. При наличии возможности и способности приоритет отдаётся деятельности, основанной на менее конфликтных функциях: удовлетворение потребностей в товарах и услугах, т.к. потребители не заинтересованы в прекращении оказания таких услуг или продажи товаров, а в ряде случаев сами оказываются участниками правонарушений. Менее конспиративна деятельность по внедрению в легальный бизнес, однако конспирация обеспечивается угрозами и взаимными выгодами (охраной, связями).

Консалтинговые услуги также весьма конспиративны, поскольку такие можно задокументировать лишь посредством потребителей этих услуг, т.е. различных групп преступников, преимущественно профессиональных, либо граждан и организаций, обращающихся за такими услугами. Последние в подавляющем большинстве случаев не заинтересованы предавать подробной официальной огласке такие «управляющие» структуры и характер взаимоотношений с ними, считая подобные услуги полезными. Возникающие конфликты разрешаются по правилам этих неформальных структур, а потому остаются латентными.

Конспиративность групп, занятых принудительными методами перераспределения материальных благ (доход за счёт выкупа со стороны потерпевших) достигается за счёт технической оснащённости, сложной структуры с «конвейерной» организацией деятельности участников, а также механизмов противодействия уголовному преследованию, о которых будет сказано позже.

Руководящие звенья как правило избегают непосредственного участия в совершении преступлений и стремятся получить легальный статус в интересах своей безопасности (например, за счёт правового иммунитета членов представительных органов власти).

III. Механизмы противодействия уголовному преследованию. Это, в первую очередь, подкуп государственных и муниципальных служащих, представителей общественных организаций, не являющихся муниципальными учреждениями, а также лоббирование законов и подзаконных нормативных правовых актов в определённой редакции либо блокирование их принятия. Во-вторых, это контрразведка, если организация развитая. Одним из примеров ОПГ с развитой функцией разведки и контрразведки, является группа братьев Ларионовых под названием «Система», действовавшая в начале 1990-х годов на Дальнем Востоке. По результатам расследования многие аспекты её деятельности были освещены в СМИ и произведениях,

посвящённых описанию наиболее известных организованных преступных сообществ в России.

Таким образом, организованная преступность – это неформальный социальный институт, представленный набором конспиративных, постоянно и рационально действующих социальных структур, извлекающих прибыль совершением преступлений за счёт удовлетворения потребностей общества в перераспределении материальных благ, управлении и социализации.

Существуют и иные определения организованной преступности – их можно найти как в учебной литературе, так и в научных публикациях. Ряд таких определений является описательными (не диалектическими), т.е. не построены на структурных или функциональных признаках явления, оперируя совокупностью атрибутов разной степени важности¹².

Одно из удачных определений можно найти в учебниках по криминологии, а также в Википедии:

организованная преступность в России – форма преступности, появившаяся в СССР в 1960-х годах, представленная организованными преступными формированиями, совершающими в основном корыстные и корыстно-насильственные преступления, ведущими теневую и легальную экономическую деятельность, имеющими коррупционные связи в органах власти¹³.

Это определение не совпадает с нашим по ряду признаков. Например, оно обладает более широкими границами, охватывая беловоротничковую преступность. Кроме того, не содержит четкой функциональной характеристики (целей деятельности), а факультативный атрибутивный признак коррупционных связей выведен на роль обязательного свойства организованной преступности и, стало быть, каждой преступной группы.

Подобными недостатками обладает и другое определение (которое также встречается в научных публикациях и в Википедии): *это форма преступности, для которой характерна устойчивая преступная деятельность, осуществляемая преступными организациями (организованными группами, бандами, преступными сообществами и другими подобными незаконными формированиями), имеющими иерархическую структуру, материальную и финансовую базу и связи с государственными структурами, основанные на коррупционных механизмах¹⁴.*

Несложно заметить, что границы этого понятия весьма широки, а само определение ориентировано на организованные формы криминальной дея-

¹² Что это явление, которое представляет повышенную общественную опасность, которое порождает коррупцию и обладает высокой латентностью, с которым сложно бороться и проч.

¹³ Организованная преступность в России [Электронный ресурс] // Википедия. URL : https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9E%D1%80%D0%B3%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B7%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B5%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C_%D0%B2_%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 27.09.2015 г.)

¹⁴ Там же.

тельности в сочетании с коррупцией, не уделяя никакого внимания функциональной направленности преступных групп.

Вместе с тем, подход к пониманию организованной преступности, опирающийся на обозначенные нами признаки и разграничение между собой разных проявлений организованной преступной деятельности получил достаточное развитие не только в криминологии, но и за рамками юридических наук криминального цикла, а потому самым непосредственным образом оказывает влияние на уголовно-политические практики.

Например, с начала XXI века в России государственная политика различает организованную преступность с одной стороны и другие виды организованной криминальной деятельности (терроризм, сепаратизм, экстремизм) с другой стороны. Достаточно вспомнить деление полномочий между существовавшими ранее в составе МВД России подразделениями РУБОП, УБОП и ФСБ России, или название расформированного в октябре 2008 года Департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом, а затем – отдельный департамент (и соответствующие центры) по противодействию экстремизму в составе МВД России.

Раздельно названные нами проявления организованной преступной деятельности указываются в числе угроз национальной безопасности в абз. 1 раздела III Концепции национальной безопасности Российской Федерации (утратившей силу)¹⁵ и в п. 10 раздела II действующей сейчас Стратегии национальной безопасности¹⁶.

В интересах приведения уголовного законодательства в соответствие с современным пониманием организованной преступности в ноябре 2009 года была изменена формулировка преступного сообщества (преступной организации), а также объективной стороны состава преступления, предусматривающего ответственность за его создание и руководство им или его частью¹⁷. В частности, в ч. 4 ст. 35 и ч. 1 ст. 210 УК РФ нашли отражение такие признаки как цель извлечения прямо или косвенно материальной или иной финансовой выгоды, сложная структура, управленческие (совещательные) межгрупповые структуры.

Единственная фикция, действующая как ограничитель – цель совместного совершения тяжких и особо тяжких преступлений, хотя в ряде случаев сам факт совершения преступления организованной группой отнесен к квалифицирующим признакам и с точки зрения дифференциации уголовной ответственности характерен для тяжких преступлений. И если цель совершения тяжких и особо тяжких преступлений в ч. 4 ст. 35 УК РФ является исключи-

¹⁵ О Концепции национальной безопасности Российской Федерации : утв. указом Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. № 24 // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 170 (утратила силу).

¹⁶ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : утв. указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. № 4912 (12 мая).

¹⁷ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и в статью 100 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 03.11.2009 г. № 245-ФЗ // Российская газета. 2009. № 209 (6 нояб.).

тельно национальным изобретением¹⁸, то формулировка цели извлечения прямо или косвенно материальной или иной финансовой выгоды¹⁹ разработана экспертами-криминологами международного уровня и нашла закрепление в Палермской Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 12.12.2000 г. Именно благодаря имплементации этой конвенции была изменена редакция диспозиции ч. 4 ст. 35 УК РФ 1996 года.

¹⁸ Отчасти это дань традиции прежней формулировке в УК РФ 1996 года. Традиция эта имеет недостаточное криминологическое обоснование, сужает круг потенциальных групп, которые могли бы быть признаны преступными сообществами или преступными организациями. Такой подход к формулировке признаков наиболее опасной формы соучастия подвергался критике в отечественной юридической литературе. С другой стороны, большинство преступлений, совершённых преступным сообществом (преступной организацией) рекомендовано вменять с квалифицирующим признаком «совершено организованной группой». Это правило следует из закономерностей дифференциации уголовной ответственности в Особенной части УК РФ 1996 года, а также из разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в его постановлении от 10.06.2010 г. № 12. Важно иметь в виду то обстоятельство, что большинство преступлений с названным квалифицирующим признаком относятся к категории тяжких и особо тяжких. В таком виде проблема оказывается скорее технико-юридической, нежели сущностной, а в ряде случаев связана с особенностями пенализации. Иными словами, юридически невозможно совершить преступление иной категории, нежели тяжкое и особо тяжкое, при доказанности его совершения в составе преступного сообщества (преступной организации). Исключение составляют случаи, когда преступление с квалифицирующим признаком «совершено организованной группой» отнесено к категории небольшой или средней тяжести, либо когда такого квалифицирующего признака нет в той статье Особенной части УК РФ, которая вменяется участникам «преступного сообщества (преступной организации)».

¹⁹ Важный функциональный признак, являющийся отличительный именно для организованной преступности.

2. Закономерности возникновения и развития организованной преступности

В самых общих чертах можно утверждать, что организованная преступность возникает в том обществе и в тех условиях, когда возникают потребности в товарах или услугах, которые не удовлетворены ввиду дефицита либо ввиду их запрещённости. Вместе с тем, эти утверждения являются достаточно общими. Более того, история знает немало случаев, когда организованная преступность возникала и в виду других факторов. Остаётся неясным также вопрос о механизме формирования и обеспечения дальнейшего существования теневого социального института, который удовлетворяет тот же спрос на некоторые виды товаров или услуг.

Поскольку организованная преступность является социальным институтом, постольку у него есть механизмы воспроизводства, а соответствующие ему социальные нормы, статусы и роли находят отражение в культуре общества. Изучение этой стороны организованной преступности как раз и позволяет понять закономерности её развития, типологию, а также обнаружить условия, при которых она возникает там, где её не было, а также условия, при которых существование организованных преступных групп затруднено. Полученные выводы позволяют определить наиболее перспективные варианты противодействия организованной преступности.

Рассмотрим механизмы рекрутирования индивидов в состав структуры, представляющей организованную преступность. С определённой долей условности можно выделить две разновидности таких механизмов.

1. *Этнический.* Организованная преступная группа формируется на базе общин по кровно-родственному либо земляческому признаку, когда община находится в окружении другой нации (нескольких других наций) – титульной, и при этом у общины имеются проблемы легального обустройства своих представителей, а процессы ассимиляции слабы. В качестве ответа на эти условия возникают процессы адаптации общины за счёт приспособления к выполнению названных нами выше функций организованной преступности.

2. *Гражданский.* В этом случае организованная преступная группа формируется либо из представителей титульной нации (т. к. население принадлежит преимущественно к ней), либо вовсе без учёта национального признака, когда в основу положен иной признак: *связи*, возникшие из прежней совместной службы, учёбы, совместного отбывания наказания, занятий спортом, из общего места проживания (по районам города, поселкам) либо другого времяпрепровождения.

Принципиальное различие этих двух механизмов формирования организованных преступных групп (и наполнения их участниками) состоит в том, что в первом случае структура уже существует – это община, обладающая устойчивыми иерархическими отношениями между её членами. Необходимо лишь рационально подобрать исполняемую функцию (с позиции общины – род криминальных занятий, сферу деятельности), исходя из численности

имеющейся структуры, особенностей её строения и географического распределения, а также исходя из возможностей конкурировать с другими группами.

Часто этот механизм возникновения организованной преступности и отдельных преступных групп, составляющих в итоге структуру рассматриваемого нами теневого социального института, связан с миграционными процессами. Именно так сформировалась Коза Ностра: сеть итало-американских организованных преступных групп. По этому же пути сформировались цыганские ОПС в разных странах, этнические ОПГ в России, состоящие из выходцев бывших республик СССР, а также чеченские, ингушские ОПГ, действующие за пределами соответствующих субъектов Российской Федерации, в которых они являются представителями преобладающей по численности нации. Именно через каналы миграции и при условии слабых процессов обустройства и ассимиляции мигрантов по новому месту пребывания в различных частях света (в Европе, в Северной Америке и др.) появляются «филиалы» и даже самостоятельные ОПГ Якудза, китайских триад, российских и украинских ОПГ.

Во втором случае (гражданский механизм) никакой социальной структуры, организации изначально нет, а имеется лишь представление некоторого числа индивидов (создателей) о перспективных направлениях деятельности, т. е. о функциях будущей организации, и желание занять определённую «нишу» в сфере организованной преступности. Структура формируется интуитивно либо с учётом имеющегося управленческого опыта в зависимости от избранных функций и доступной численности участников.

По этой причине возникновение организованных преступных групп по принципам «гражданского» механизма характерно для общества с большой численностью экономически и криминально активного населения, когда в обществе возникает состояние аномии в вопросах социализации: культура и социальная практика требуют от индивидов стремиться к изменению своего социального статуса, поскольку таковые связаны с более высокими доходами, однако доступных законных способов достижения этой цели не имеется.

По такому пути возникали и развивались организованные преступные группы (а в последующем и сообщества) в России, состоящие из местного населения: на Дальнем Востоке («Общак», «Спортсмены», «Система» братьев Ларионовых), в Сибири (Братское ОПС), в Москве (Солнцевская, Ореховская, Зуевская, Медведковская ОПГ) и других регионах. За рубежом по этому механизму сформировались кланы Якудза в Японии, мафия в Италии на о. Сицилия и группировки «Каморра» на материковой части Италии, и т. д. Отчасти этот же механизм сработал при формировании кланов триады в Китае.

В любом случае действие механизмов рекрутирования организованной преступности обеспечивается механизмом культурно-символического подкрепления: преступный образ жизни рационализируется и находит отражение в культуре отдельных социальных групп либо даже в массовой репрезентативной культуре. Формируются представления о такой деятельности как о

признаке жизненного успеха, об оказываемом доверии, о признании личностных качеств, которыми обладают немногие. В итоге социальный статус участника организованной преступной группы начинает означать престиж, занятость, принадлежность к организации, которая позволяет быстро социализироваться и представляет собой полюс силы, альтернативный государству, т. е. власть.

Такое подкрепление механизмов рекрутирования через культуру, систему социальных статусов и шкалу оценок характерно и для крупных этнических образований, когда в состав организованной преступной группы входят не все члены общины.

Взаимодействие этих механизмов формирует конкурс при приёме в члены организации, что позволяет отбирать наиболее подготовленных и перспективных кандидатов, а также готовить подрастающее поколение (молодёжь).

В 1980-е – 2000-е годы в России, а в США и странах Западной Европы в середине XX века наблюдался и другой культурный феномен: мифологизация организованной преступности. Тема профессиональной и организованной преступности активно эксплуатировалась публицистикой и кинематографом, отчего были сформированы достаточно яркие образы представителей преступных организаций. Эти образы с одной стороны не соответствовали социальной практике, но с другой стороны стали культурным фактом и начали корректировать представления общества об организованной преступности. По утверждению специалистов в этой области, члены мафиозных семей Коза Ностра в США неоднократно просматривали фильм «Крестный отец», чтобы перенять образ жизни и поведенческие особенности «настоящих мафиози»²⁰.

Эти образы в подавляющем большинстве случаев романтизируют преступную деятельность и противостояние правоохранительным органам, а потому изначально не служат интересам установления правопорядка. Другой стороной создаваемых образов является страх потенциальных и реальных потерпевших перед безнаказанностью, могуществом и жестокостью организованной преступности, хотя они могли с ней никогда не сталкиваться. Всё это подрывает авторитет государства, других официальных социальных институтов и позитивного права.

Размытость границ социальных структур, представляющих организованную преступность, механизм их социокультурного подкрепления наряду с неэффективной государственной политикой криминализируют культуру общества и широкие слои населения. Желание чувствовать себя причастным к организованной преступности и вызвать соответствующее отношение к себе со стороны окружающих ведёт к распространению практики пародирования организованных преступных структур – возникают всевозможные «смотрящие» и «положенцы» в каждом небольшом дворе, в сёлах и деревнях, среди

²⁰ Абадинский Г. Организованная преступность. СПб., 2002. С. 594.

учащихся средних общеобразовательных школ, колледжей, а также среди де-социализированных слоёв общества (среди БОМЖей, например). Представления об организованной преступности искажаются, её границы представляются огромными, что позволяет обеспечивать конспирацию настоящих организованных криминальных структур, и при этом наладить каналы управления обществом, альтернативные официальным и зачастую превосходящие их по эффективности.

Но главное, в таком обществе сложно говорить об уважении к законодательству, о позитивном отношении к институтам государственной власти и местного самоуправления, не реализуется воспитательная функция права, меры административного и уголовного наказания теряют свою эффективность.

Это обстоятельство, а также высокая вероятность либо реальные процессы институциональной субституции²¹, ведущие в итоге к разрушению государственности, представляют собой основное содержание угрозы национальной безопасности со стороны организованной преступности.

Преступные группы, представляющие собой организованную преступность, по целому ряду показателей имеют конкурентное преимущество перед официальными структурами: отбор кандидатов (участников) более целесообразен, рационален, продиктован постоянной конкурентной борьбой с легальными и неформальными организациями, процессами адаптации к меняющемуся рынку и деятельности институтов социального контроля. Доходы участников таких организаций полностью зависят от результативности их деятельности, а также бизнес-планирования, они не облагаются налогами. Невозможна ситуация, когда «работники» криминальной структуры получают оклад и на рабочем месте в рабочее время играют в компьютерные офисные игры и постоянно пьют чай.

С другой стороны, организованная преступность может возникать и существовать не везде. Исходя из описанных нами признаков организованной преступности, а также особенностей детерминации и развития этого явления, можно выделить следующие антикриминогенные условия.

1. *Тоталитарный политический режим.* Организованная преступность в таких условиях с исторической закономерностью оказывается очень ограниченной и имеет яркую специфику: преимущественно это кооперации общеуголовных преступников, многие из которых находятся в местах лишения свободы либо скрываются. Организованная преступность является формой их самоорганизации в интересах противодействия государству и выполняет преимущественно консалтинговые функции. Однако выбор демократического, и даже авторитарного политического режима ставит общество перед высокой вероятностью возникновения и развития полноценной организованной

²¹ См. об этом: *Цветков Ю. А.* Социальный заказ на организованную преступность // Государство и право. 2004. № 3. С. 110.

преступности и необходимостью поиска путей по её удержанию на социально терпимом уровне²².

2. *Отсутствие государства*. Как это ни парадоксально звучит, но организованная преступность не может существовать без государства, поскольку она выступает его конкурентом, альтернативным полюсом силы в определённых сферах общественных отношений. К тому же организованная преступность осваивает лишь те сферы деятельности, которые запрещены с помощью позитивного права (т. е., государством) либо недостаточно им урегулированы и допускают получение экономической выгоды. Более того, как отмечает Ю. А. Цветков, «психологической доминантой любого преступника является стереотип преследуемого. Аналогичный стереотип присущ также и организации преступников. Угроза, исходящая от государства, катализирует механизмы самоорганизации. Отсюда – тщательная конспирация, жесткая дисциплина и высокий профессионализм исполнительской деятельности – все то, что отличает преступную организацию от иных социальных общностей»²³.

Поэтому в большинстве случаев громогласно объявляемые и проводимые кампании по борьбе с организованной преступностью (за исключением методов тоталитарного режима) зачастую приносят последней больше пользы, нежели убытков, заставляют совершенствовать структуру и методы деятельности, методы противодействия преследованию, а потому органы власти в ещё большей степени оказываются поражены коррупцией. Иными словами, механизмы самоорганизации общества, создающие организованную преступность, опираются на неудовлетворённые общественные потребности, но катализируются угрозой, исходящей от государства.

3. *Неразвитые товарно-денежные отношения*, которые не позволяют получать прибыль от деятельности, а потому нет предпосылок для создания рассматриваемого нами социального института.

4. Теоретически – *отсутствие запрещённых, но востребованных товаров или услуг, отсутствие дефицита, рациональное распределение материальных благ в обществе* (по К. Марксу как раз новая общественно-экономическая формация, в которую разовьётся капиталистическое общество, – коммунизм; по смыслу трудов И. Канта, Аристотеля, Б. А. Кистяковского, А. Грамши и ряда других учёных – правовое государство, сформированное на базе гражданского общества).

Имеется и ряд других закономерностей возникновения и развития организованной преступности, представляющих интерес с точки зрения противодействия этому явлению.

²² Или направлений борьбы, войны с ней – в зависимости от выбранных научных и политических мировоззренческих концепций.

²³ Цветков Ю. А. Очерк 8. Соучастие и организованная преступность // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. М. : Юрайт, 2010. С. 300.

Количество групп, представляющих социальный институт «организованная преступность», а также их численность ограничены объективными условиями, поскольку ориентированы в первую очередь на экономическую выгоду, а последняя зависит от развития экономики и ряда соответствующих показателей: количество населения, потребности которого не удовлетворены (спрос); ограничения в товарах и услугах из-за производственных особенностей (ограниченные ресурсы или высокая себестоимость) и контроля со стороны государства.

Важны и характеристики общества, определяющие возможности создания организованных преступных групп даже при наличии перспективных сфер деятельности. Это, в первую очередь, демографические характеристики населения (для рекрутирования важна достаточная численность экономически активного населения) и его этнический состав, а также сила процессов ассимиляции в данном обществе, развитость каналов вертикальной социальной мобильности и занятость населения (уровень безработицы среди экономически активного населения и доля населения с низким уровнем доходов при высоких показателях экономического расслоения).

В итоге численность каждой организации строго подчинена интересам конкуренции и прибыльности. Её структура зависит от функции (связана со сферой деятельности) и масштабов осваиваемого рынка, а также от условий конкуренции. При большой конкуренции, выражающейся в борьбе за выживание, численность организованных групп может расти за счёт «силового блока». Примером являются ОПГ, действовавшие в 1990-е годы в России, в 1980-е годы в Колумбии, в наше время – в Мексике и Бразилии. Известны даже периоды серьёзного вооружённого противостояния представителей организованной преступности с полицией и правительственными войсками в Колумбии и Бразилии.

Численность организованных преступных групп, которыми представлен социальный институт «организованная преступность», зависит также от финансовой и товарной ёмкости рынка: от набора и объёма востребованных в обществе запрещённых либо дефицитных товаров или услуг, скорости их потребления, от объёмов возможностей внедрения в легальный бизнес.

В итоге функции принудительного перераспределения материальных благ в обществе (похищение людей, практика хищения автомобилей с их возвратом за деньги, распространение вирусов с их деактивацией под условием оплаты этой услуги со стороны потерпевшего) осваивают группы, которые не могут заняться другими направлениями деятельности – более прибыльными и безопасными с точки зрения их разоблачения. Причиной может быть недостаточная квалификация или численность персонала данной организации, высокая конкуренция в прибыльных сферах теневого бизнеса, состоявшиеся решения о распределении сфер влияния между различными организованными преступными группами.

В качестве примера можно привести г. Иркутск, где местная неэтническая ОПГ получает основную прибыль за счёт хищения автомобилей с их по-

следующим возвратом владельцам за выкуп. По количеству таких преступлений г. Иркутск лидирует во всём Сибирском Федеральном округе и не уступает многим сверхкрупным городам, в которых численность населения и автомобилей больше в разы. Доступные сферы деятельности ОПГ, которые можно рационально освоить, к настоящему времени распределены, в том числе между этническими преступными структурами. Нарушение этого «равновесия» грозит эскалацией насилия, к которому, очевидно, представители Иркутской ОПГ не готовы. Несомненно, освоение такой сферы деятельности как хищение автомобилей потребовало дополнительных вложений в техническое оснащение (оборудование для преодоления средств сигнализации и других средств противоугонной защиты), в создание инфраструктуры: места хранения угнанных автомобилей, безопасные способы передачи выкупа участникам ОПГ и проч. И, без сомнения, эта деятельность требует вложений в механизмы противодействия уголовному преследованию.

Различные организованные преступные группы имеют разный потенциал в вопросах освоения разных сфер криминальной деятельности, однако и здесь присутствуют вполне определённые закономерности. Так, ОПГ, возникшие на принципах «этнического» механизма, в динамике оказываются более конкурентоспособными в традиционных видах криминального бизнеса. Наиболее перспективными оказываются преступные организации, сформированные на базе родоплеменной общины, семьи. Сама структура такой общины позволяет эффективно организовать разделение труда (обязанностей): иерархические отношения уже заданы, связи между членами организации выстроены естественным образом (те же самые общинные), а структура общины, выполняющей теперь определённую криминальную функцию, вместе с содержанием социальных статусов и ролей отражена в культуре этой общины и воспроизводится также естественно даже в поколениях.

В результате этнические ОПГ быстрее и более успешно осваивают виды деятельности, напоминающие традиционные (сельское хозяйство и животноводство, некоторые виды ремесла и торговлю). Преимущественно такими оказываются распространение запрещённых либо дефицитных товаров, реже – принудительные способы перераспределения материальных благ с получением выкупа от потерпевших. Ярким примером служит опыт криминальной деятельности цыганских общин, особенно начиная с 1980-х годов в пределах территории стран СССР.

3. Вопросы противодействия организованной преступности

Обязательным требованием для успешной деятельности по противодействию организованной преступности, как и для любой другой деятельности по преобразованию действительности, является изучение объекта и наблюдение за его изменениями в процессе преобразования – для определения параметров получаемого эффекта.

В России используется два основных метода получения информации о организованной преступности:

1) сбор и обобщение материалов оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности;

2) сбор, сводка, группировка и анализ статистической отчетности о результатах борьбы с организованной преступностью. Государственная статотчетность этих сведений не содержит, а потому можно опираться только на ведомственные статистические отчеты МВД России 1-БОП и 2-БОП, а также 1-ОРБ и 2-ОРБ.

Первый из названных нами методов сбора информации позволяет получить много фактических данных, однако их обобщение затруднено из-за большой детализации и несопоставимости (хотя не является невозможным). Кроме того, материалы ОРД и КРД относятся к сведениям, составляющим государственную тайну, что препятствует их использованию за рамками определенных ведомств.

Второй метод получения информации об организованной преступности и результатах борьбы с ней позволяет получить сведения не столько об организованной преступности, сколько о результатах работы по расследованию преступлений, совершённых её представителями.

Эти сведения могли бы представлять определённую ценность и даже удовлетворительно отражать современное состояние организованной преступности в обществе, если бы не ряд серьёзных методологических недостатков в системе отчетности по линии борьбы с организованной преступностью.

С точки зрения систематичности и детализации получаемой статистической информации никаких проблем нет: руководство МВД России на протяжении десятка лет ежегодно получало (и представляло общественности) сведения о результатах проделанной работы на этом направлении оперативно-служебной деятельности. Например, в 2008 году было раскрыто 36,6 тысячи преступлений, совершенных организованными преступными группировками или преступными сообществами, что на 5,1% больше, чем в 2007 году. Пресечена деятельность более 10 тысяч лидеров и активных участников организованных групп, избличенных в совершении 34,9 тысячи тяжких и особо тяжких преступлений. Зарегистрировано 325 преступлений, связанных с организацией преступного сообщества²⁴.

²⁴ Щит и Меч. 2009. № 6 (1166) (12 февр.) С. 1–3.

Несложные арифметические расчёты позволяют определить, что за пять предшествовавших лет правоохранными органами России была пресечена деятельность порядка 1500 организованных преступных групп, а также порядка 50 тысяч их лидеров и активных участников.

С другой стороны, сложно отрицать тот факт, что, например, в г. Москва уже более 20 лет продолжают действовать «медведковская» и «солнцевская» преступные группировки, этнические ОПГ грузин, чеченцев, азербайджанцев, дагестанцев, китайцев, вьетнамцев и нек. др.

Внушительные цифры результатов борьбы с организованной преступностью формируются и по сей день. Например, в одной только Удмуртской Республике за 2014 год пресечена деятельность 47 лидеров и активных участников организованных преступных формирований²⁵. За тот же год в Центральном федеральном округе ликвидировано 424 этнические ОПГ численностью 997 человек, а в Приволжском федеральном округе ликвидировано 57 групп численностью 221 участник²⁶.

Возникает закономерный вопрос: откуда в России столько организованной преступности и почему же ее не становится меньше, вопреки столь результативным усилиям правоохранительных органов?

Приведем другие сведения о результатах оперативно-служебной деятельности. По данным МВД России, в течение 2005 – 2008 годов в России сохранялся высокий уровень террористической угрозы, были сильны сепаратистские вооруженные выступления в Северо-Кавказском регионе. При этом в 2008 году в ходе контртеррористической операции была пресечена деятельность более 680 членов незаконных вооруженных формирований, а также около 40 банд и 600 организованных преступных групп²⁷.

Однако произведённые арифметические подсчёты позволяют во многом усомниться: на одну изобличённую и прекратившую деятельность организованную преступную группу и банду в 2008 году пришлось примерно 1,13 участника, либо большинство участников входило одновременно в состав нескольких таких групп, возможно по совместительству.

На самом деле приведённым цифрам о результатах борьбы с организованной преступностью имеется вполне рациональное объяснение: МВД России и другие правоохранительные органы представляют вполне приемлемые сведения с точки зрения их достоверности, просто они отражают иное явление.

Существующая статистическая отчетность о результатах борьбы с организованной преступностью (формы ведомственного статистического

²⁵ Выступление Министра внутренних дел по Удмуртской Республике перед Государственным Советом Удмуртской Республики о деятельности органов внутренних дел в 2014 году [Электронный ресурс] // МВД России. Официальный сайт. URL: <https://18.mvd.ru/document/3201085> (дата обращения: 27.09.2015).

²⁶ *Тудоровский Я.* Мафия с акцентом [Электронный ресурс] // Версия. 2015. № 37 (20 июля). URL: <https://versia.ru/yetnicheskie-prestupnye-gruppirovki-rossii--chto-my-o-nix-znaem> (дата обращения: 28.09.2015).

²⁷ Щит и Меч. 2009. № 6 (1166) (12 февр.) С. 1–3.

наблюдения № № 582 и 282) формируется из показателей статистических карточек формы 1.1. о результатах расследования преступления, а конкретно – из сведений о квалификации преступления и форме соучастия (пункт 10). В отчётность о результатах борьбы с организованной преступностью отбираются преступления, совершённые организованной группой (код 0200) и преступным сообществом / преступной организацией (код 0100).

Теперь следует обратить внимание на то, как эти отчёты наполняются конкретными сведениями – опираясь на правила квалификации преступлений и особенности их статистического учёта. Поскольку, например, в соответствии со ст. 32 УК РФ соучастием признаётся умышленное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления, постольку ни у кого не вызывают вопросов факты признания бандой и такой группы, в состав которой входило только два человека²⁸. Соответственно, судебная практика знает экстремистские сообщества из двух человек²⁹, преступные сообщества (ст. 210 УК РФ) из четырёх человек и т. п. Основания для вменения составов этих преступлений имеются, практика такой квалификации сложилась, но насколько верно говорить, что это всё – организованная преступность?

Более того, каждая банда учитывается в статистике как два преступления: ч. 1 ст. 209 УК по факту её создания и руководства, а также ч. 2 ст. 209 УК по факту участия в банде и совершаемых ей нападениях. То же самое относится к учёту других организационных преступлений³⁰. Вдобавок к сказанному нужно учесть, что преступное сообщество, экстремистское сообщество, незаконное вооружённое формирование могут включать в себя ещё и банду как структурное подразделение. Соответственно, членам такого структурного подразделения, их руководителям, а также руководителям преступного формирования, в состав которого входит банда, вменяется по два состава организационных преступлений: например, участие в преступном сообществе и участие в банде либо руководство преступным сообществом и создание, а также руководство бандой³¹. В итоге на нескольких человек, действовавших сообща, может приходиться до четырёх зарегистрированных организационных преступлений. По этой причине нет строгих препятствий для того, чтобы эти сведения прочесть следующим образом: за прошедший период времени выявлено четыре ОПГ в виде преступных сообществ и банд, привлечено к ответственности шесть их лидеров и активных участников.

²⁸ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 73-О10-17 от 24.06.2010 г. по этому приговору [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. URL: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=300468 (дата обращения: 14.10.2015).

²⁹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2013 г. № 66-АПУ13-50 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. URL: http://www.vsrif.ru/stor_pdf.php?id=560464 (дата обращения: 14.10.2015).

³⁰ Об учете преступлений, предусмотренных ст. 20 УК РФ : информационное письмо первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации от 11.02.2014 г. № 11-07-2014/Ил726-14. (Официально не публиковалось).

³¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2010 г. № 11-О10-08 [Электронный ресурс] // Решения и постановления судов. URL: <http://www.resheniya-sudov.ru/2010/180850/> (дата обращения: 14.10.2015).

Именно потому, применив простейшие арифметические операции, мы можем обнаружить, что в 2014 году в среднем в Центральном федеральном округе в одну ликвидированную этническую ОПГ входило 2,35 человека, а в Приволжском федеральном округе – 3,88 человека (см. сведения выше).

Проблема, таким образом, заключается в подмене понятий: правоохранные органы показывают результаты расследования преступлений с определёнными формами соучастия, а выдают это за борьбу с конкретным социальным явлением – с организованной преступностью.

Например, Министр внутренних дел Республики Удмуртия в своём выступлении о результатах оперативно-служебной деятельности подчинённых ему подразделений по итогам в 2014 года, характеризуя результаты борьбы с организованной преступностью, помимо общих сведений привёл конкретный пример: в марте 2014 года была пресечена деятельность этнической организованной преступной группы, состоящей из 3 жителей Республики Башкортостан, которые занимались разбойными нападениями на интернет-кафе на территории Башкортостана и Удмуртии. Установлена их причастность к совершению 8 разбойных нападений, из них 2 – совершенных на территории Удмуртии³².

Вполне вероятно, что в данном случае имелись все основания, предусмотренные УК РФ, чтобы утверждать о соучастии в форме организованной группы. Но насколько правильно утверждать, что правоохранители столкнулись с организованной преступностью и ликвидировали ОПГ? Если обратиться к тем признакам, которые присущи организованной преступности и которыми характеризуются преступные группы, являющие собой изучаемое нами социальное явление, то ответ следует дать однозначно отрицательный.

Имеются и другие примеры, когда к уголовной ответственности привлекаются участники настоящих преступных сообществ (организаций) – в том числе в криминологическом понимании, однако на скамье подсудимых оказываются лишь рядовые исполнители и их ближайшие руководители. С позиции форм соучастия они представляют собой, вне всякого сомнения, организованную группу, однако самому сообществу фактом отправления уголовного правосудия причиняется несущественный, быстро поправимый вред. В таком случае и правоохранные органы могут получить необходимые показатели борьбы с организованной преступностью, и организованные преступные группы остаются в сохранности, даже приобретая определённый опыт столкновения с органами уголовной юстиции.

В целом же следует заметить, что через правила формирования статистических отчётов к представителям организованной преступности зачастую относят тех, кто действительного отношения к ней не имеет³³: бухгалтеры,

³² Выступление Министра внутренних дел по Удмуртской Республике перед Государственным Советом Удмуртской Республики о деятельности органов внутренних дел в 2014 году [Электронный ресурс] // МВД России. Официальный сайт. URL: <https://18.mvd.ru/document/3201085> (дата обращения: 27.09.2015).

³³ Лунеев В. В. Указ. соч. С. 631.

чиновники, расхищающие вверенные денежные средства, получающие систематические взятки; группы несовершеннолетних грабителей; автономно действующие небольшие по численности группы вооружённых разбойников и т. д.

Конечно, на счету российских правоохранительных органов немало успешных операций по разоблачению опасных и больших по численности ОПГ, чья деятельность была в итоге полностью пресечена. Однако если отвлечься от отдельных примеров и взглянуть на проблему целиком, то становится очевидным: получаемые статистические отчёты содержат сведения о формах соучастия, которые удалось установить и доказать процессуальными средствами, однако эта информация преподносится не в уголовно-правовом, а в криминологическом значении и выдаётся за результаты борьбы с организованной преступностью, за конкретное количество ликвидированных ОПГ.

Стоит ли удивляться в таком случае, что работа по разоблачению преступлений, совершённых в соучастии, характеризующаяся довольно внушительными показателями, не оказывает ожидаемого влияния на существование организованной преступности в стране? Следовательно, если смотреть на результаты противодействия организованной преступности с позиции криминологии, то они окажутся гораздо скромнее. Проблема состоит ещё и в том, что пригодных обобщённых и сгруппированных сведений в таком ракурсе в настоящее время в России ни у кого нет³⁴. Необходима разработка методик статистического отражения организованной преступности.

С другой стороны, отсутствие достоверных знаний о преступности, в том числе и об организованной, хотя и ухудшает возможности по контролю или противостоянию, однако никогда не было непреодолимым препятствием. Достаточно обратиться к истории государства и права.

Неудивительно, поэтому, что к настоящему времени человечество обладает весьма определённым опытом противодействия организованной преступности. В разные исторические эпохи и в разных странах с тем или иным успехом предлагались и были апробированы различные подходы к этой проблеме. Их систематизация и классификация возможны на базе различных признаков или критериев.

Например, В. Н. Кудрявцев в целом в вопросах борьбы с преступностью выделял девять основных стратегий, известных уголовной политике: пресечение преступлений, уголовное преследование, истребление и устрашение, изоляция, исправление, компромиссы, индивидуальная профилактика, социальная профилактика, меры безопасности³⁵.

³⁴ Здесь мы, конечно, не берёмся утверждать об отсутствии в России аналитических материалов по результатам оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности, например, о наиболее крупных и влиятельных ОПГ, их взаимоотношениях, сферах влияния, активных участниках и проч. Как известно, результаты оперативно-розыскной и контрразведывательной деятельности относятся к сведениям, составляющим государственную тайну и официальному опубликованию не подлежат.

³⁵ Кудрявцев В. Н. Стратегии борьбы с преступностью. М., 2003. С. 9–321.

Применительно к организованной преступности Ю. А. Цветков выделяет 4 стратегии: тотальное уничтожение, использование, сдерживание и сращивание. При этом он отмечает, что наиболее эффективной является стратегия уничтожения, однако она несовместима с либерализмом, и обществу необходимо выбирать: жить без организованной преступности, но в условиях тоталитаризма, либо мириться с существованием организованной преступности. Стратегию сдерживания он характеризует как наиболее распространённую в мире и при этом наименее эффективную, поскольку она предполагает, по сути, отсутствие какой-либо стратегии вообще, вплоть до определённых компромиссов (примером является Япония). Стратегию сращивания он относит к наиболее общественно опасным, ведущим к угрозе нарастающей криминализации и сопровождающейся высокой коррумпированностью органов публичной власти. Соответственно, стратегия использования организованной преступности рассматривается им преимущественно в контексте межгосударственных отношений, когда определённые страны (в наибольшей степени в таких делах были замечены США) используют её для решения своих задач методами, неожиданными для своих конкурентов³⁶.

В рамках настоящей лекции мы предложим своё видение стратегий противодействия организованной преступности. Следует обратить внимание на то, что известные науке и правоохранительной практике меры противодействия организованной преступности, хотя и имеют определённую специфику, основываются на общих концепциях обеспечения правопорядка в системе взаимодействия «государство, общество, преступность». Исходя из этого, можно выделить следующие концепции (наиболее современные и обсуждаемые до настоящего времени среди правоведов, правоприменителей и политиков):

- 1) *борьба с организованной преступностью;*
- 2) *контроль организованной преступности;*
- 3) *рассмотрение организованной преступности как процесса естественной саморегуляции общества, излишне мифологизированного для отвлечения государственными органами дополнительных ресурсов на поддержание прежнего состояния социальной системы (очевидно, не совсем удачного).*

Каждый из этих подходов привносит собственную и весьма существенную специфику в оценку происходящих в обществе процессов и характер предпринимаемых ответных мер со стороны официальных структур социального контроля. Рассмотрим специфику каждого из них.

Концепция борьбы с преступностью берёт своё начало в социалистический период нашей государственности и имела под собой серьёзные философские основания, которые теперь поставлены под сомнение. Такая борьба предполагает:

³⁶ Цветков Ю. А. Очерк 8. Соучастие и организованная преступность ... С. 300–302.

1) убежденность в возможности полного уничтожения явления, с которым борются (должно быть и научно обоснованное знание о наличии такой возможности);

2) полярное распределение действительности на так называемые «стороны баррикад»; отсюда выделение класса «преступники» в отдельный вид индивидов, поиск особенностей личности преступника (в том числе организованного) и её отличий от личности нормального гражданина. Исход борьбы тоже рассматривается дихотомично: либо победа, либо поражение;

3) ориентир на меры юридической ответственности; недостаточный эффект от предпринимаемых мер тенденциозно влечёт за собой ужесточение уголовной ответственности, расширение механизмов объективного вменения, ограничение либо сокращение перечня процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, действующих на стороне защиты.

В 1990-е годы эта концепция была дополнена требованием подрывать экономические основы организованной преступности, и это требование по-прежнему регулярно выдвигается политическим руководством государства и руководителями правоохранительных органов.

Ещё одной чертой современной уголовной политики является четкое определение субъектов борьбы с организованной преступностью – это правоохранительные органы, обладающие соответствующими полномочиями. О результатах работы они отчитываются перед высшими органами федеральной государственной власти.

История и социальная практика достаточно убедительно продемонстрировали низкую результативность концепции борьбы с преступностью. В научной литературе имеется достаточно обстоятельная критика отдельных её положений. В частности, индивиды в обществе не делятся строго на преступников и законопослушных граждан, а потому в обществе нет такого явного противостояния. Ужесточение мер уголовной репрессии ведёт к снижению эффективности уголовного законодательства и не оказывает влияния на причины организованной преступности. Тот факт, что на современном этапе общественного развития и в ближайшем обозримом будущем искоренить преступность в обществе невозможно, признан отечественными правоведами и основными политическими силами. Следовательно, концепция борьбы с преступностью утратила своё философско-методологическое основание.

Тем не менее, многое от прежней концепции оставлено, и её оставшиеся части пытаются приспособить к новым реалиям, что с научной точки зрения далеко не бесспорно, а на практике не приносит никакой пользы.

Например, в кругу специалистов и на уровне высших органов государственной власти высказываются призывы перейти от борьбы к войне с организованной преступностью. Очевидно, что это требование тенденциозно и осуществимо лишь в условиях тоталитарного политического режима. При этом эффект, получаемый в условиях тоталитаризма, с исторической законо-

мерностью наблюдается до его смены на авторитарный либо демократический, а в истории человечества нет ни одного тоталитарного режима, который не разрушился бы, не эволюционировал бы ввиду процессов общественного развития.

Столь же сомнительными и не имеющими научного обоснования являются требования подрывать экономические основы организованной преступности. В действительности, к таковым относится не накопленный преступниками капитал, а человеческие ресурсы данного общества и неудовлетворённые общественные потребности. Поэтому правоохранительные органы не в состоянии выполнить поставленную задачу, а сами такие задачи обладают такой же эффективностью, как требования и попытки прекратить похмельный синдром в условиях продолжающегося ежедневного приёма больших доз алкоголя.

Максимум, чего могут добиться правоохранительные органы при выполнении задач по подрыву экономических оснований организованной преступности – вытеснить или разобщить одни организованные преступные группы и дать возможность появиться другим (прежним из числа конкурентов либо новым), а также постоянно получать статистические показатели проводимой работы. Сделать же невыгодными с экономической точки зрения целиком преступный бизнес либо его отдельные направления возможно лишь совместными усилиями государственных органов и других здоровых социальных институтов.

Из рассматриваемой нами концепции борьбы с преступностью исходят представления о жесткости уголовной репрессии как социальном благе, что принцип неотвратимости наказания за каждое совершённое преступление или правонарушение может быть воплощён на практике, и что этот принцип позволит установить правопорядок, и стремление к 100%-ной раскрываемости преступлений, и ряд производных от этого проблем, которые, с одной стороны, не известны многим зарубежным странам, а с другой стороны, – на протяжении многих лет не привели к желаемому результату и созданию ощущения безопасности у населения.

Существенный недостаток современной модификации концепции борьбы с преступностью состоит также в замкнутости на правовом регулировании, в переоценке возможностей законодательства, что в итоге превозносит правовую норму над всеми остальными социальными регуляторами и благами.

Имеющиеся знания об организованной преступности позволяют утверждать, что установление запретов на определённые товары или услуги не только не означает прекращение их оборота, но и даёт почву для развития организованных преступных групп, получающих от этого доходы. Так, введение сухого закона в США в начале XX века, непоследовательная политика СССР во второй половине 1980-х годов по борьбе с пьянством, а также дефицит алкогольной продукции и её отпуск в ограниченных количествах по талонам в первой половине 1990-х годов запустили процессы стремительного

развития организованных преступных структур. Этот опыт не всегда учитывается. Свежие примеры: запрет игорного бизнеса и меры по ограничению легальной торговли алкогольной продукцией в России в середине в 2010 – 2014 гг. Общественная потребность в этих услугах и товарах осталась, а установленные законодательные ограничения на неё повлиять не в силах. Соответственно обществом создавались, и будут создаваться структуры, которые эти потребности станут удовлетворять.

Далеко не самым оптимальным и результативным является управленческое решение о чётком определении субъектов борьбы с организованной преступностью. В настоящее время такая обязанность полностью возлагается на правоохранные органы. Соответственно этому последние обязаны демонстрировать признаки эффективной деятельности. В это же время ряд учёных, политических деятелей, представители общественности и СМИ полагают, что организованная преступность до настоящего времени существует из-за бездействия и коррумпированности силовых структур. В таких утверждениях проявляет себя эффект поляризации действительности, характерный как раз для концепции борьбы с преступностью.

Отсюда предложения по достижению коренного перелома в борьбе с организованной преступностью традиционно (на протяжении вот уже более чем 20 лет) сводятся к следующему: ужесточить уголовную ответственность, ввести ряд новых запретов, лучше финансировать правоохранные органы, улучшить их взаимодействие и качество работы, создать отдельные подразделения по борьбе с организованной преступностью и дать им широкие полномочия, принимать на работу в правоохранные органы самых компетентных граждан и увольнять сотрудников за нежелание добросовестно трудиться, искоренить коррупцию в правоохранных органах, создать либо улучшить общественный контроль за деятельностью правоохранных органов по расследованию преступлений, совершённых организованными преступными группами.

В данном случае не приняты во внимание достижения юридической науки (ещё советской), а также опыт российской и зарубежной практики: правоохранные органы оказывают очень ограниченное влияние на преступность, а на механизм детерминации организованной преступности повлиять не могут, поскольку не обладают ни соответствующей компетенцией, ни необходимым инструментарием³⁷.

Конечно, нельзя видеть в рассмотренной концепции только отрицательные стороны. Она способна дать видимые результаты, однако они не могут быть долговечными, тем более что являются следствием симптоматического воздействия, ведь преобразования общественных отношений не предполагается. По этой причине концепция борьбы или войны с преступностью уместна лишь на коротком отрезке времени, когда обществу грозит разруше-

³⁷ Кудрявцев В. Н. Причины правонарушений. М., 1976. С. 264.

ние вследствие надвигающегося или наступившего криминогенного коллапса, а потому требуется мобилизация имеющихся позитивных сил и ресурсов.

При этом следует иметь в виду ещё одно важное обстоятельство: в рамках концепции борьбы с преступностью на второй план отодвигаются многие другие задачи государства и вопросы общественного развития, поскольку ресурсы не безграничны, а борьба требует существенных ресурсных вложений и даже использование людских ресурсов в условиях отсутствующего финансирования, что называется – за идею, а это не может продолжаться бесконечно.

По этой причине за пределами аварийных обстоятельств, вне условий крайней необходимости первая концепция противодействия организованной преступности может выродиться и привести к реакции приспособления с сопутствующими коррупцией и пародированием борьбы.

Положения второй концепции – контроля преступности – получили наибольшее развитие в XX веке в условиях поздних индустриальных и ранних постиндустриальных капиталистических стран. В Российской правовой науке с конца XX века она последовательно занимает всё более прочные позиции. Д. А. Шестаков, являющийся сторонником этой концепции, полагает, что терминологически более точно было бы называть такой подход не контролем, а противодействием преступности³⁸. Основные положения концепции сводятся к следующему:

1) преступность сопровождает общественное развитие, своим существованием обязана социальным противоречиям, несовершенству механизмов социального регулирования;

2) преступность невозможно полностью искоренить, однако общество может удерживать её на определённом уровне – социально терпимом, т.е. контролировать;

3) быстрый рост преступности или качественные её изменения свидетельствуют о дисфункциях определённых социальных институтов, неверных решениях в области государственно-правового управления, о возникших общественных противоречиях, которых раньше не было. Поэтому стремление решить проблему путём привлечения к уголовной ответственности всех тех, кто совершил преступления, само по себе не может дать требуемого эффекта и приведёт к неоправданным ресурсным затратам (из-за борьбы со следствием);

4) наибольшего эффекта в контроле преступности можно достичь позитивным регулированием, отладкой механизмов социального взаимодействия;

5) необходимо искать наиболее оптимальные и экономически целесообразные способы удержания преступности в допустимых рамках, поскольку государство находится в контрактных отношениях с обществом и действует в его интересах в условиях ограниченных ресурсов. Уголовная юстиция явля-

³⁸ Шестаков Д. А. Указ. соч. С. 245–246.

ется не менее затратной, чем ущерб, причиняемый преступностью, и приоритетное финансирование полицейских и иных контролирующих институтов способно подорвать экономические отношения и в перспективе разрушить государственность;

б) правоохранительные органы не способны добиться ощутимого снижения уровня преступности, а потому на них нельзя возлагать ответственность за её состояние. Основной субъект противодействия организованной преступности – высшие органы государственной власти (в первую очередь – законодательной, и лишь затем исполнительной и судебной), действующие при поддержке науки и общественных организаций (в идеале – широких слоёв населения).

Поскольку Российская Федерация перешла к капиталистической общественно экономической формации, постольку концепция контроля преступности представляется для неё более приемлемой, чем предыдущая.

Меры контроля организованной преступности опираются на те её характеристики и закономерности развития, о которых мы говорили выше. Возвращаясь к функциям социального института «организованная преступность» можно сделать важное умозаключение о соблюдении частных и публичных интересов общества. Публичные интересы (охраняемые уголовным законом) организованной преступностью нарушаются всегда, а частные интересы могут, напротив, даже удовлетворяться.

Максимальная степень потворства частным интересам наблюдается в первых двух функциях, когда удовлетворяются потребности отдельных социальных групп в товарах или услугах, а также потребности персонала организованных криминальных структур в социализации (с обогащением) и занятости.

Функция внедрения в легальный бизнес уже не обладает подобным соотношением: частные интересы предпринимателей удовлетворяются лишь отчасти, а в основном они нарушаются вследствие принуждения или обмана.

Наиболее вредоносной является функция принудительного перераспределения материальных благ путём поставления потерпевших в вынужденное положение, когда для получения выкупа злоумышленники похищают людей, автомобили, рассылают вредоносные программы. И публичным, и частным интересам (кроме частных интересов преступников) причиняется однозначный вред.

Это умозаключение позволяет точно определить, какие функции и социальные структуры с наибольшим, а какие с наименьшим успехом могут поддаваться воздействию со стороны государства.

Соответственно, ресурсы уголовной юстиции следует концентрировать в направлении полностью вредоносной деятельности: кроме организованных криминальных структур в ней никто не заинтересован и государство получит максимум общественной поддержки в противостоянии с преступниками.

Помимо мер уголовного преследования могут приносить хорошие результаты меры социального регулирования, которые сделают такие сферы

криминальной деятельности малоприбыльными. В качестве примера можно привести механизмы страхования имущества.

Во-первых, это может существенно сократить количество случаев выплаты потерпевшими вознаграждения за похищенный автомобиль. А существующий объём хищения транспортных средств не позволит их все реализовать, т. е. затраты криминальных структур не будут окупаться.

Во-вторых, привлечение крупных компаний на рынок страхования автомобилей от их хищения или угона создаст отношения конфликта с соответствующими криминальными группировками, поскольку страховые компании начнут нести убытки от преступлений. Таким образом можно управлять конкуренцией теневых структур между собой, в том числе с организованными преступными группами, внедрившимися в легальный страховой бизнес.

Несомненно, на этом пути имеются сложности. Страхование имущества в условиях высоких рисков наступления страхового случая изначально будет дорогой услугой. Кроме того, государство в условиях рыночной экономики не может принуждать граждан к страхованию, необходимо использовать способы убеждения (социальная реклама, агитация). И, конечно же, возникшие конфликты между преступными группами могут развиваться по-разному, в том числе вылиться в акты криминального насилия.

И в любом случае нельзя упускать из виду, что такие криминальные структуры существуют благодаря достаточному количеству экономически активного населения, у которого нет доступных способов удовлетворения своих потребностей в социализации, развитии, занятости. Не решая эти проблемы, невозможно добиться удовлетворительных результатов.

Самым сложным является противодействие криминальным структурам, занятых поставкой запрещённых товаров и оказанием запрещённых услуг. Путь их легализации, хотя и выглядит методологически последовательным, не всегда уместен. Мировой опыт его использования является непродолжительным и в ряде случаев он даёт нежелательные побочные эффекты. Например, за легализацией каннабиоидов с небольшой концентрацией последовал рост потребления опиатов, а их легализация рассматривается как однозначно недопустимая. Сложно заранее прогнозировать и последствия регулярного потребления каннабиоидов представителями народностей, для которых это психоактивное вещество не является традиционным, – как это отразится в поколениях?

В любом случае противодействие такому криминальному бизнесу предполагает снижение спроса на нелегальные или дефицитные товары и услуги, и криминальные структуры этому активно препятствуют, порой даже похлёстывают спрос.

К настоящему времени наиболее эффективными оказались следующие меры (применяемые в совокупности):

1) формирование спроса на индивидов, ведущих здоровый образ жизни (как условие успешной социализации); создание условий для занятия массовой физической культурой и спортом. Например, в России спорт недоступен

для большинства населения в силу ограниченной инфраструктуры, высоких цен на эти услуги и снаряжение;

2) усиление мер государственного контроля за незаконным оборотом психоактивных веществ. Основное внимание уделяется выявлению производства, ввоза, а также сбыта крупных и средних партий. Это повышает риски и, соответственно, цену товара. Убытки от выявления крупных партий психоактивных веществ закономерно стремятся компенсировать за счёт увеличения цены сохранившегося товара. На уровне розничной торговли это ведёт к серьёзному удорожанию сбываемых психоактивных веществ или к резкому падению их качества, что создаёт в обществе их дефицит, и ограничивает спрос – не каждый может себе это позволить, а доступные цены однозначно означают низкое качество и высокую опасность для жизни и здоровья потребителей;

3) изменение отношения к наркозависимости путём разделения стереотипов «преступник» и «наркоман». Например, в России сейчас наркоман автоматически подразумевает склонность ко всевозможным преступлениям, хотя в социальной практике такой связи нет. Существует достаточное количество потребителей наркотических средств, не совершающих преступления, кроме обращения с этими средствами, а также достаточное количество лиц, совершающих преступления вне связи с наркозависимостью либо вовсе не употребляющих наркотические средства. Разделение этих стереотипов необходимо для успешной ресоциализации наркозависимых, дабы блокировать процессы стигматизации³⁹. Дискурс изменяется так, что в центре его оказывается вопрос о болезни, которая может случиться с каждым, в том числе под влиянием окружения, стечения тяжёлых жизненных обстоятельств и проч. В итоге общество должно не исключать наркозависимого, не противопоставлять его себе, а «поглотить» его, поддерживать и помогать избавиться от болезни.

Конечно, здесь можно вести дискуссии о балансе между проявлением гуманности и верой в благонадёжность бывших и действующих наркоманов. На самом же деле этот подход призван блокировать стремление наркозависимых лиц объединяться в группы с высоким криминогенным потенциалом, как это происходит в случае их вытеснения из общества. У любого индивида имеется потребность в принадлежности к определённой социальной группе, потребность в ощущении своей индивидуальности, и вытесненные из общества люди объединяются между собой по тому признаку, который послужил основанием для их отторжения⁴⁰. Примечательно, что уголовная политика и профилактическая модель в СССР в 1970-х – 1980-х годах опиралась на подобные положения о ресоциализации лиц, совершивших преступление. Следует, конечно, признать, что изменение укоренившихся в обществе стереоти-

³⁹ *Комлев Ю. Ю.* Теории девиантного поведения : учебное пособие. Казань : КЮИ МВД России, 2013. С. 219–220.

⁴⁰ *Антонов А. Д.* Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. М., 2001. С. 73–75.

пов является одной из сложнейших задач. В то же самое время она не является нерешаемой.

Третья концепция, связанная с представлением об организованной преступности как естественном процессе развития общественных структур, предполагает невмешательство, т.е. сосуществование с организованной преступностью. Последняя рассматривается как явление, входящее в противоречие с функционирующими консервативными структурами официального социального контроля, в первую очередь – с государством. При этом общество самоорганизуется для удовлетворения своих потребностей, трансформирует существующие социальные структуры, а государство стремится сохранить прежний социальный порядок, для чего криминализирует происходящие процессы развития. В качестве иллюстрации можно привести развивавшийся класс предпринимателей в СССР периода конца 1950-х – первой половины 1980-х годов (т. н. «цеховики», «спекулянты», «фарцовщики» и проч.). С позиции социалистической законности и морали они являлись преступниками и занимались деятельностью, угрожавшей основам социалистического строя. В том числе и благодаря ним в СССР развивалась и обрела силу организованная преступность, а коррупция поразила государственный аппарат. Однако с точки зрения рассматриваемой нами концепции обозначенные общественные процессы признаются одновременно мощными, исторически неизбежными и даже необходимыми, поскольку вернули Россию и другие страны бывшего СССР в общество стран современной рыночной экономики и т. д.

Нельзя, однако, не заметить, что это наблюдение, во многом верное, не учитывает существования практики организованных преступных групп по созданию и поддержанию в обществе таких потребностей, которые в перспективе угрожают его существованию. Кроме того, при рассматриваемой уголовно-политической стратегии велика угроза институциональной субституции (что и произошло в СССР), когда данная государственность будет утрачена вследствие замены её институтов на те, которые сформированы организованными криминальными структурами. Учитывая, что организованная преступность преследует не политические, а сугубо экономические цели, сложно предполагать, что таким путём будет создана более совершенная форма государства, и новая публичная власть будет действовать рационально в интересах благополучного общественного развития.

Как верно подметил Ю. А. Цветков, в практике ряда стран Западной Европы и США встречается также подход, условно называемый «использование организованной преступности». Он является выражением политики двойных стандартов, регулярно используемой в межгосударственных отношениях. Признавая его существование, мы, тем не менее, не выделили его в своей классификации в качестве самостоятельной стратегии – это лишь метод оперативного уровня, который может быть использован по мере необходимости при реализации любой трёх рассмотренных нами стратегий.

Вместе с тем, метод «использования» является одной из форм взаимодействия государства и преступности. Поскольку организованная преступ-

ность представлена устойчивыми социальными структурами, имеющими связи и каналы управления, порой не уступающие государственным, постольку некоторые её качества используются для достижения целей, недостижимых традиционными приемлемыми способами.

Так, с помощью организованной преступности (особенно транснациональной) в те или иные регионы поставляется оружие для создания там нестабильности, поддержки сепаратистских течений или государственных переворотов.

Неоднократно в адрес США высказывались претензии, связанные с контролем производства и вывоза наркотиков опийной группы из Афганистана. Похожая схема использования организованной преступности уже применялась Великобританией и Нидерландами в XIX веке, когда английские и голландские контрабандисты ввозили в Китай опиум, а вывозили из него драгоценные металлы, вырученные от продажи наркотика. В ответ на попытки китайских властей организовать меры противодействия распространению опиума, Великобритания заявила, что в Китае нарушаются принципы свободной торговли, не развиваются рыночные отношения и начата военная действия, к которым присоединилась Франция и Нидерланды. В результате двух опиумных войн все основные ресурсы и средства производства Китая попали под контроль европейских держав, а огромная часть населения страдала наркозависимостью.

Организованная преступность может использоваться и крупными корпорациями, особенно если учесть, что они становятся ключевыми игроками на международной арене.

Например, компании Microsoft и IBM без криминальной сети копирования и распространения контрафактной программной продукции для ЭВМ вряд ли смогли бы доминировать на российском рынке. Их лицензионная продукция стоила слишком дорого, чтобы заинтересовать потребителей в России в середине 1990-х – начале 2000-х годов. А с помощью дешёвой контрафактной продукции рынок был *de facto* занят и потребители настолько привыкли к платформам IBM PC (в противовес Macintosh), MS Windows, MS Office, что и теперь не представляют компьютерную технику иначе. Переход к новым версиям программных и аппаратных продуктов (несовместимых с прежними), прекращение обслуживания устаревших, а также требования к российским властям вести жёсткую борьбу с оборотом контрафактной продукции позволило существенно увеличить долю продаж лицензионных программ и уже *de jure* освоить огромный рынок.

Заключение

В целом стоит отметить, что организованная преступность представляет собой развивающееся явление. Она также подвержена процессам глобализации, современные технологии позволяют совершенствовать связи внутри отдельных структур и между ними, методы конспирации, осваивать новые способы извлечения криминальной прибыли.

Организованные криминальные структуры, вне всякого сомнения, представляют угрозу национальной безопасности, однако недопустимы как драматизация зла с последующим объявлением войны, так и попытки сотрудничества с этим социальным институтом. Противодействие этому явлению должно быть системным, предоставлять минимальные возможности адаптации к принимаемым мерам, иметь научные основания и учитывать накопленный опыт – как положительный, так и допущенные ошибки, а, следовательно, постоянно совершенствоваться.

В рамках лекции нами были получены следующие основные выводы.

Организованная преступность – это неформальный социальный институт, представленный набором конспиративных, постоянно и рационально действующих социальных структур, извлекающих прибыль совершением преступлений за счёт удовлетворения потребностей общества в перераспределении материальных благ, управлении и социализации.

Организованная преступность представлена децентрализованным набором устойчивых социальных структур (организованных преступных групп), конкретный состав и количество которых подвержены изменениям в силу развития, конкуренции и изобличения со стороны органов уголовной юстиции. Организованная преступность (и представляющие её преступные группы) осуществляют выполнение таких функций, как:

предоставление товаров и оказание услуг, на которые имеется спрос, но в обществе в данное время они формально запрещены;

распространение товаров, которые не запрещены, однако потребности в них не удовлетворены и не удовлетворяются легальными способами (дефицит);

перераспределение материальных благ путём внедрения в легальный бизнес;

принудительное перераспределение материальных благ путём поставления потерпевших в вынужденное (зависимое от преступников) положение;

трудоустройство персонала преступных групп, приобретение персоналом навыков определённых видов деятельности;

удовлетворение потребностей индивидов (попадающих в состав преступных групп) в самореализации и развитии, обретении определённого социального статуса (социализация);

удовлетворение потребностей в управлении и разрешении конфликтов в преступной и антиобщественной средах (консалтинг) с возможностью замещения отдельных функций официальных социальных институтов.

При этом отдельные преступные группы могут выполнять несколько функций либо все из перечисленных в зависимости от своих возможностей, уровня развития.

Возникновение организованной преступности закономерно происходит в любом обществе, обладающем государственностью, развитым товарно-денежными отношениями, социальным и экономическим неравенством, наличием социальных групп, потребности которых не удовлетворяются законным образом при объективной возможности их удовлетворить, если эти группы представлены экономически активным населением.

Преступные группы, представляющие организованную преступность, возникают либо по этническому механизму из национальных общин, оказавшихся в окружении одной или нескольких других титульных наций, если потребности представителей такой общины не удовлетворяются законным образом (часто связано с процессами миграции) и при этом слабы процессы ассимиляции; либо по неэтническому признаку из представителей данного общества при наличии большого количества экономически активных граждан, находящихся в состоянии аномии (по Р. К. Мертону).

Существование и развитие организованной преступности основывается на особенностях экономических отношений в обществе, механизмах распределения общественного продукта, однако подкрепляется культурой (вопросы потребностей, значения определённых социальных ролей и символов) и катализируется уголовным преследованием организованной преступности (включает механизмы приспособления в виде совершенствования организационной структуры, функций, развивает конспирацию, коррупцию, усиливает конкуренцию и процессы социального отбора наиболее удачно сформировавшихся групп).

В таких условиях организованная преступность как социальный институт представляет собой угрозу национальной безопасности, в первую очередь благодаря своей способности поддерживать процессы институциональной субституции, ослаблять существующие официальные социальные институты, развивать асоциальные потребности в обществе и паразитировать (зарабатывать) на них. Противодействие организованной преступности как социальному институту методом исключительно уголовной репрессии (т.н. концепция борьбы) является одновременно неэффективным и дорогостоящим вариантом осуществления уголовной политики.

В настоящее время отсутствует надёжный инструмент мониторинга состояния организованной преступности и результатов деятельности правоохранительных органов по противодействию этому явлению. В статистической отчётности результаты такой борьбы не соответствуют действительности из-за подмены понятий и особенностей учёта (преступления с определёнными формами соучастия выдаются за социальное явление «организованная преступность»). Кроме того, изблечение и привлечение к уголовной ответственности отдельных преступных групп не устраняет причин их возникновения, а потому процессы возникновения новых групп, равно как и процессы освоения освобождённых сфер деятельности уже существующими преступными группами не прекращаются.

Следовательно, противодействие организованной преступности предполагает использование достижений науки и правоприменительной практики, а также переосмысление государственной правоохранительной политики.

Список литературы

Нормативные и распорядительные акты, информационные письма органов государственной власти

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : [утв. указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»] // Рос. газ. – 2009. – № 4912 (12 мая).
2. Об учете преступлений, предусмотренных ст. 20 УК РФ : информационное письмо первого заместителя Генерального прокурора Российской Федерации [от 11.02.2014 г. № 11-07-2014/Ил726-14]. – Документ опубликован не был.

Специальная литература и статьи

3. Антонов, А. Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации : дис... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А. Д. Антонов. – М., 2001. – 182 с.
4. Выступление Министра внутренних дел по Удмуртской Республике перед Государственным Советом Удмуртской Республики о деятельности органов внутренних дел в 2014 году [Электронный ресурс] // МВД России : Официальный сайт. – URL: <https://18.mvd.ru/document/3201085> (дата обращения: 27.09.2015 г.).
5. Гишинский, Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гишинский. – 2-е изд., перераб. и доп.– СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. – 504 с.
6. Институт социальный [Электронный ресурс] // Slovarik.info. – URL: <http://www.slovarik.info/sociology/121/56121.html> (дата обращения: 27.09.2015 г.).
7. Комлев, Ю. Ю. Теории девиантного поведения : учебное пособие / Ю. Ю. Комлев. – Казань : КЮИ МВД России, 2013. – 302 с.
8. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : учебник : в 2 т. / В. В. Лунеев. – М. : Юрайт, 2011. – Т. II. Особенная часть. – 872 с.
9. Сведения о состоянии преступности и результатах борьбы с ней // Щит и Меч. – 12 февр. 2009 г. – № 6 (1166). – С. 1–3.
10. Тудоровский, Я. Мафия с акцентом [Электронный ресурс] / Я. Тудоровский // Версия. – 2015. – № 37 (20 июля). URL: <https://versia.ru/yetnicheskie-prestupnyye-gruppirovki-rossii--chto-my-o-nix-znaem> (дата обращения: 28.09.2015 г.).
11. Цветков, Ю. А. Очерк 8. Соучастие и организованная преступность / Ю. А. Цветков // Уголовное право. Актуальные проблемы теории и практики : сборник очерков / под ред. В. В. Лунеева. – М. : Юрайт, 2010. – С. 285–286.
12. Цветков, Ю. А. Социальный заказ на организованную преступность / Ю. А. Цветков // Государство и право. – 2004. – № 3. – С. 110.

13. Шестаков, Д. А. Криминология. Новые подходы к преступлению и преступности. Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире : учебник / Д. А. Шестаков ; предисл. В. П. Сальникова. – 2-е изд., перераб. и доп. СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 561 с.
14. Шнайдер, Г. Й. Криминология : пер. с нем. / Г. Й. Шнайдер ; под общ. ред. и с предсл. Л. О. Иванова. – М. : Издательская группа «Прогресс» : Универс, 1994. – 504 с.

Материалы судебной практики

15. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации № 73-О10-17 от 24.06.2010 г. [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=300468 (дата обращения: 14.10.2015).
16. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 03.10.2013 г. № 66-АПУ13-50 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: http://www.vsrfr.ru/stor_pdf.php?id=560464 (дата обращения: 14.10.2015).
17. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 10.03.2010 г. № 11-О10-08 [Электронный ресурс] // Решения и постановления судов. – URL: <http://www.resheniya-sudov.ru/2010/180850/> (дата обращения: 14.10.2015).

Учебное издание

Шиханов Владимир Николаевич

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института
(филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент*

Организованная преступность: криминологическая характеристика и вопросы противодействия

Фондовая лекция

Подписано в печать 14.12.2015. Формат 60x84 1/16.

Уч.-изд. л. 2,8. Усл. печ. л. 2,55.

Тираж 150 экз. Заказ № 571.

Иркутский юридический институт
(филиал) Академии Генеральной прокуратуры
Российской Федерации,
664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1